

Когда-то, очень давно, он был молод и крепок молодостью и крепостью хорошего металла. Когда-то ожидание доставляло ему огромное удовольствие. Он и жил-то ради ожидания. Ожиданием. А когда приближался редкий и оттого более прекрасный момент встречи с единственной, но всегда такой разной, от нетерпения и восторга, от возвышенного возбуждения он начинал даже гудеть. Тихонько, только ему одному и, может быть, еще Земле едва слышным, трепетным гулом.

Теперь, вспоминая этот свой юношеский, пылкий восторг (юность всегда восторженна, если только не цинична), он все опасливей глядел в Небо. Часы, месяцы, годы ожидания.

Высокие белоснежные Облака, низкие дождевые Тучи, свинцово-серые, лилово-синие... Сосчитать, сколько Туч и Тучек, легчайших перышек и ватных гор, видел он в долгую жизнь свою? Сосчитать невозможно. Да и мысли такой никогда не возникало.

Другое дело — Звезды. Эти блестящие булавочные головки, эти дыры, холодные просвечивающие сквозь черный дурачок ночного неба, гордые ночные соглядатаи, вы пересчитаны тысячами раз. Впрочем, вам это безразлично. Вечно и беспристрастно следите вы за теми, кто внизу.

А внизу, в русле узенькой, тихой улочки, текла другая жизнь. Внутри старых, обшарпанных домов, куда удавалось иногда заглянуть сквозь запыленные до серого окна, на ухабистой дороге, где поверх раздолбанной брусчатки смурными, функционально-деловитыми дорожниками когда-то кое-как было брошено черное масло — асфальт. Тогда улица стала чище, аккуратнее, что ли. Строже. Но вскоре асфальт заелозили, он перестал быть маслом, превратился в корку, на которой вырос грибок грязи и мусора. Недолго боролась с этой болезнью, корка местами облезла, как сгнившая на язвах кожа, обнажившая ткань, эти измученные камни бывшей мостовой, разъеденные тою же болезнью. Одно слово — раны.

Но что же жизнь? Жизнь на улице была светлива и малопонятна. Люди в ней метались, громоздили что-то, что он бы назвал бессмыслицами, упрямо извращали все, что знали, чему их подолгу учили, учили... Не примером, впрочем, но словами. Каждый из них хотел только "сам" и непременно "себе". Но "сам" оказывался глуп и слаб. Так они и жили. Рождались под прищипкой звезд и вскоре умирали. А между рождением и смертью все кружили, кружили в небольшом своем хороводе и все глядели в небо, будто не было Неба над головой, будто звезды не ждали, что на них кто-нибудь взглянет и задержит взгляд... Однажды, не зная, что делают с людьми после смерти, он кощунственно смело предположил, что самое верное — закапывать их в Землю.

Иногда он пытался соединить, хоть бы и в себе, степенность, неповторимость небесных картин и однообразное мелькание земной жизни. В упорстве сравнения несравнимого, в попытках соединить эти два мира в один, как и должно, кем-то когда-то утраченной связью, он терял чувство реальности. Размывались и пропадали края собственного существования. Все менее ясен становился его смысл, все более непонятны предметы наблюдений. Необъяснимое происходило в эти мгновенья. Снова и снова приходил он к черте, за которой, возможно, и было понимание, и, всякий раз пугаясь неизвестного, поглощающего, казалось, отступал. Отступал, так и не ответив себе, почему же две половинки одного мира живут порознь. Да, ни разу в жизни он не узнал ни одного ответа. Но зато сколь много вопросов ему было дано узнать!

Был ли он философом? По крайней мере, он был одинок. Чудовищно. Бесконечно. Как может быть одинок слепой, глухой и немой одновременно.

— Ах... Ну вот, — снова упустил какую-то важную мысль, о чем-то, равном устройству Мира. Позволяющую познать...

Теперь, когда он оставил надежду найти потерянную, возжеланную связь, когда оставил такую близкую, но бесконечно далекую мечту самому стать этой жертвенной связью, все чаще стали из неведанного далека приходить таинственные мысли, значимостью своею большие, чем сама жизнь. Растворялись они, будто пригласая нырнуть вслед за ними, так же незаметно, как появлялись, в немислимом сокровенных глубинах души... Слово кто-то черной, беззвездной ночью на один сверкнувший миг лукаво приоткрыл завесу, скрывавшую яркую, пеструю, волшебную ярмарку, освещенную ослепительным летним Солнцем. Виделось все ясно и отчетливо, вот только вспомнить, что видел... Видел. И знаю. Вот и все. А потом еще до-олго тлел где-то в сердце огонек —

СМЕРТЬ ГЕРОЯ

след того мгновения, когда ты знал всю Вселенную, все смыслы, всю механику Мироздания, когда обнимал собою весь Мир.

В такие минуты он страстно желал быть рядом с кем-нибудь, умеющим понять душу друга. И тем уже многое объяснить.

Но друга не было. Не было даже постоянного занятия, какое было у всех, кого он знал в повседневной жизни.

Все, что он мог, это ждать. И то, что не мешало ожиданию. Думать. Дремать. Днем и ночью яляться в небо.

— Что там наш дурачок, по-прежнему длиннее всех?

— На то и дурачок. Гляди — ка-акие мы гордые. Ведь выше ж всех — куды там.

— Вот бы удивилась, если б до него вдруг дошло, что можно ж надломить этот длинный, никому не нужный шест. Сколько неприятностей из-за него пережил уж. Лупят его, лупят, а он дурак дураком — торчит выше всех, и все тут. Что ж так, правда, задаваться-то? Глупо ж, ей-Богу.

— Так ведь молния все ж мозги поотшибла. Как же это нормальный способен столько времени проводить без всякого дела? Ведь ничего же не делает. Стоит себе, и все. Сломали б его, что ли. Бездельник. Попробовал бы поддержать провода эти, вечно гудящие, днем и ночью. Когда кажется — нога все глубже врастает в эту сыляющую землю, а руки вот-вот сломаются под тяжестью металла и электричества. И так который год. Порой думаешь: "Скорей бы срок вышел — да на свалку". Пусть другой постоит кто, подержит. Хоть бы и этот. У-у-у — ненавижу!

— Что вы, сосед, что за настроение? Определенно, наш дурачок на вас тоску наводит. Конечно, не сахар — держат на себе такую огромную тяжесть, я вас понимаю в этом деле. Летом и сама каждую минуту сбрасываю плоды. Хоть немного. А так бы сломалась — верно вам говорю. А к осени и вовсе кажется: никогда боле не стану родить — такая мука их держать. Но, что бы вы думали? Проходит время, ветви поднимаются, сок в них бурлит, живет... И к весне уж подумываешь о цветах, о завязи...

— Зима, весна — разговоры одни. Ни минуты... Это были соседи его — Столб Электросети и Большое Абрикосовое Дерево. Простые, хорошие ребята, только не понимавшие его. Как, впрочем, и другие соседи.

Вероятно, из-за своей тяжелой работы, от накопившейся из года в год, клонящей к Земле, как и людей, усталости они не придавали большого значения своим разговорам, а может быть, просто забывали, что сотни сотен раз уже говорили обо всем этом. Однако снова и снова возвращались к той же теме. Теме его глупости, его инакости.

Нет-нет, он не сердился и не обижался. Да и как на правду рассердиться. Он ведь действительно бездельник. И, скорее всего, действительно глуп. Иначе смог бы...

В разговоры он давным-давно не вступал. Оттого что ему не верили или не пони-

мали: в ожидании — томительном, мучительном, долгим — вся его жизнь. Объяснить отчаялся. Или не умел.

Так ли это просто? Отнюдь. Если вы никогда не глядели в небо, где, играя, удивительно бесшумно сшибаются лбами клубящиеся громады, а к ночи Художник подливает чернила в лазурь и наигрывает звенящую мелодию безмолвия, едва касаясь пальцами небесного свода. И от этих касающихся вскоре затеплятся мерцающие звездочки нот. Но вы, вы, ни о чем не думая, поменьку поднимаетесь все выше, выше, выше... И вот: эти разгоревшиеся уж ноты — прямо перед вами. Протяни руку — и пальцем коснись звезды, если не боишься уколиться. Если вы никогда не чувствовали, как необыкновенно, бесконечно легки и

нежны прикосновения сияющих серебром облаков, не знали, что можно раствориться в них и в небе, как в себе... И вот оттуда вдруг вас бесцеремонно стаскивает какая-то, простите, визгливая Дверца... Еще раз простите, но для чего?

— Ги-ги... ги-гиблы кре-кре... кре-кре-тин. Ги-ги ги-ги...

— Зачем же вы так?

— Ги-ги... ги-ги...

Как объясните?!

Изящно опершись большими крыльями о воздух, черный Ворон схватил сильными когтистыми лапами верхнюю перекладину Антенны, которая что-то постоянно принимает (чего, в свою очередь, он не понимал): с ее слов, очень важное и архиинтересное. Качнувшись вперед-назад, балансируя, подобно цирковому канатоходцу, Ворон громко каркнул, вытянувшись всем телом и растопырив крылья. Для пущей громкости, что ли. Будто звал кого.

"Беду кличет", — подумалось отчего-то. Когда-то он слышал такие слова. Когда? От кого? А Ворон взглянул по сторонам, прислушивался — не ответил ли. И снова, вздыбив крылья, хрипло кричал. Раскатистое "Кар-р-р" казалось злобещим, страшным по сравнению с привычным писклявым "чивканьем".

На противоположном берегу улочки появился мальчишка с рогаткой в руках. Он крался, как кот, выбирая позицию, поглядывая вверх, на Ворона. У маленькой витрины ломбарда (в которой рядами белых и ровных, как зубы, букв тихо скалилась надпись: "Всегда рады Вашим проблемам") стрелок замер, натянул резину и...

Огромная гайка просвистела совсем рядом. Ворон подпрыгнул и, толкая крыльями воздух, заскользил прочь, переставно бранясь, видимо, в адрес стрелка. Где-то в соседних домах, зазвенев, посыпались стекла. Детский плач, истошные крики. Затем все смолкло, и он почувствовал себя легко и спокойно.

Будто ничего не связывает его с Землей. Будто не забит он в нее давным-давно на добрых два метра. Многие годы сыпавшийся ржавой, болезненной трухой сварной шов перестал беспокоить. А был ли он, шов, на самом деле?

— Поразительно, — снова думал он о своих соседях, сам не замечая, что больше не смотрит в небо, — поразительно, как мало я раньше понимал, насколько они все замечательны. Можно только восхищаться их трудом. Как хотел бы я чем-нибудь им помочь. Что-то полезное для них сделать...

— Смотрите!

— Смотрите все! Скорее!

— Да что случилось-то?

— Что, что?

— Что...

Вертлявый красавчик Флюгер, гордый своим знанием частей света и очень от этого важный, пальцем-стрелой указывал на Громоотвод.

— Ги-ги-ги-ги-ги... — заразительно скрипела на ветру ржавыми петлями Дверца Слухового Окошка, которую оставили открытой две недели назад. С тех пор она очень редко умолкала, гогоча и всех задевая без всякого повода.

— Наконец-то, дошло...

— Дурак-то оказался не безнадежным.

— Давно бы так следовало...

— Давно бы так...

— Давно бы...

— Давно...

Под очередным порывом ветра старик Громоотвод не устоял и сломался.

Никто из соседей: ни Флюгер, ни Столб, ни Дымоход, степенно выпускающий из себя облачка то дыма, то пара, несущие в себе самые разнообразные запахи, — никто не понял, что злосчастный товарищ их просто умер.

Как обычно, не услышав ответа на свои колкости да колкие похвалы, общество вновь вернулось ко своим привычным делам, перебарываясь незначительными фразами, легонько поскрипывая на ветру. Все, как всегда, все, как обычно...

Только ветер понемногу крепчал. Уж не метался, как неприкаянный, а гнал весь воздух все на юг, на юг, на юг... Скоро и Туча появилась тонкой темной полоской на краю Неба. Набежала, выросла, клубясь, затянула все Небо своей сине-коричневой, акварельной мутой.

Дети удивительно точно умеют рисовать грозное небо — побольше красок смешать, да погуще, погуще... Красок не жалеть — тогда хозяйка грозы выйдет так, словно она сама, ее самая суть стекла, сползла невзначай, упала с неба на чистый лист бумаги. И вышла настоящей хозяйкой. Оттого хозяйка, что управляет бурей.

А Ветер? Нет, Ветер только шкодит. Ломает, рвет. Вот, неистово хлопая Дверцей Слухового Окошка, расколотил стекло. Влез в Дымоход, вдул назад в Дом дымы и запахи. Загудел в проводах, сляясь сорвать их со Столба.

Туча, любящая со стороны этим разбоем, копила мощь, готовила свое действие.

Еще, еще... Чем больше силу накопишь, тем сильнее будет удар, тем громче треск, будто рвется плотное полотно Ветра, при молкает его жуткий вой. Вот когда все поймут главенство. Все. Один удар — и стылая кровь, цепенеющее тело... Туча знает об этом и копит, копит...

Вот уж полна. Не стерпеть больше. Мощь распирает. По огромному ее телу бегут дрожью искры, разряды. Ха! Что, мороз по коже? По позвоночному столбу? Нужно еще держать. Держать, сколько возможно. Еще, еще... Ну же... Ну!!!

— Шар-рах!!! О-о-о... Ф-ф-ф...

Огромная прекрасная Молния, сверкающая и ветвистая, гигантская, сказочная, отдаленно схожая с золотой жилой в странной легенде Эльдорадо, родилась и низринулась в жизнь. В короткую, но грозную своей стремительностью и мощью.

Скорее! Неисчислимой силой своей поделиться с ним. Он с радостью ждет, как обычно, и с радостью примет. Легко и свободно скользнет она сквозь все его тощее, длинное тело, только ей одной принадлежащее, и блаженно уйдет в Землю. Он проводит ее.

Молния стремительно неслась к Земле. Земля летела ей навстречу. Где тут оглядеться, да и зачем? Вон там ее друг. Ближе, ближе...

— Что же ты не встречаешь? Будто и не рад вовсе, будто не ждешь!

Догадка или знание? Неважно. Ясно, что все кончено. Она несла ему столько силы, столько силы... Все ближе Земля. Летят навстречу точки, квадраты, треугольники каких-то предметов. Незнакомых, невиданных. Кого же выбрать? Как выбрать? Поздно. Не успеть.

Она не стала смотреть вперед, не стала выбирать, распахнула объятья своих бесчисленных рук-ветвей и еще стремительнее бросилась вниз...

Константин ПЕТРОВ.

Молока парного несут овцы, по мосточку ведет их козел — где она стоит, лепешки раскатывая по раскаленным стенкам лона своего — подводит, и дышит сытостью Земля.

От жизни смерть начинается. От холода жар.

Я смотрю никуда. Ниоткуда ты отвечаешь. Любовь вокруг. О Ангелы белые — завьюжили, приспав, согрели. А там и весна поспела. Облизнула сосульку и развевенная капелью Быстро стаяла твердость. Недостаточно весне любви. Лишь бремя прорастающее сквозное земляное — на Божий Свет. И — небо раздвинулось, приняло младенца, не по дням растущего, созревающего для жатвы.

И с тобой — так. И тебя — Свет примет.

Свет Есть Пожар, в котором ни души...

Сбыться — готов ли ты?

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ.

НЕБО — ЗЕМЛЯ — НЕБО

ЭРОТИЧЕСКАЯ ЮЖНАЯ ПОЭМКА

Быстро-быстро раздвигая губы ее, язык внедряется в рот и живет непонятной жизнью, словно ящерка бежит из-под солнца в обволакивающую глубину земли, прихватывая цепкими пальчиками улыбку, зубки, постепенно всю выворачивая там, в ее же глубине, и вворачивая, как лампочку, в темную бесконечность ее самой, пока не вспыхнет, осветив подземелья свои, где оказалась в сытой влажности вулкана, извергнувшего лаву и вся вокруг испепелившего. Разве ЭТО поцелуй?

Голова у него — дыня лысая, сам неприглядный, фигою пахнет, городом Арциз Одесской области.

Громоздятся вокруг холмы да овраги, и

там овцы топчутся, а козел ведет их по-над речкой к мостику.

Там и стоит он. Дыня его на солнце пекается. Холщовая рубаха на нем и джинсы — вместо порток. Ноги босые, узки губы, вроде и нет вовсе, во рту языком и целует.

На вкус пробует.

Тихий день склоняется к вечеру, облака побежали, в ночь спустились. Дождь пролился и, бормоча на языке степи, где горизонт белым калением рвется, а самолета, инверсионный след прочертившего, помин пропал, пустотой застыл отвесно. Но и горизонт исчезает во тьме, голос доносится из ниоткуда, не говорит ничего. Она же смотрит никуда — тьма глаза съела.

— Что, это что топчет, вспарывая слепоту, это в нее вошел он, ищет, где бы вкусить,

да в суете не находит, в суете слюды пути, и взлетает самолетом, горизонты растянувшим между небесами неземными и землями беспредельными. Идет она по линиям, и годочки ее с нею. Он, без возраста и улыбки воспарил, рассеивается, навсегда застревая между нею и дитятей, чтобы струиться трепетом души ее вызывающей — где ты, куда дитя за собой по свету? А он исчез, чтобы сыном своим и сына сыном дотянуться однажды и встретиться, победив ожидание.

Холод вспарывает пожар. Свет низвергая, гасит тьму.

Он в глубине ее, слово пробуя на вкус, взглядом побелел. Тонек язык его, словно ящерики. Бережен, непереводам язык его ангельский. Слово о чем его? О покое покойное слово. Ниоткуда из в никуда.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА «Вікна-Одеса» (тел. 23-13-60).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N _____ газета отпечатана в типографии «СІЧ».

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 724-01-35. www.odessitclub.org.